

Е. А. Мигунова

ПОВТОРНЫЙ ОПРОС

(к проблеме интерпретации полевых материалов)

Представления исследователя о свойствах записанных текстов зависят от принципа фиксации полевого материала. Использование кнопки «пауза», когда информант «заводит старую пластинку», или расшифровка «избранных мест» интервью иногда лишает собирателя того материала, анализ которого может привнести что-то новое в исследование.

Повторный опрос проводится с целью восполнить те информационные пробелы, которые не были замечены собирателем при первом опросе, прояснить непонятные места. Так, добросовестный собиратель, прежде чем отправляться к давно знакомому информанту, внимательно просматривает свои записи или расшифрованное интервью с одной целью: вспомнить, «о чем мы у него еще не спросили».

Однако замечено, что информант не только отвечает на новые вопросы, но и повторяет уже сказанное раньше. После повторной работы материалы остаются все равно неполными, у собирателя еще много незадаанных вопросов, а информант обнаруживает склонность к повторению, а не к дополнению сведений. Для чего же нужны повторные опросы информанта? Как в действительности может качественно измениться отношение исследователя к записываемым текстам и как сам информант изменяет свое сообщение при повторном опросе?

Я хотела бы поделиться своими наблюдениями, опираясь на свой полевой опыт и опыт моих коллег, которые работали вместе со мной. Проще говоря, я хочу перечислить основные, на мой взгляд, доводы в пользу повторного опроса, которые не связаны со стремлением собирателя к записи полного репертуара отдельно взятого носителя традиции.

* * *

Повторный опрос информанта через продолжительный отрезок времени позволяет обнаружить, как рассказ адаптируется к реальным событиям и изменениям в жизни информанта. Например, в первом интервью информант рассказал о домовом, который стучал по ночам, и сделал вывод, что он «сей год умрет», а через год, побывав в больнице,

информант повторяет тот же рассказ, изменив его завершающий мотив: домовый выгонял его из дома, и поэтому он попал в больницу.

Повторный опрос позволяет определить степень устойчивости элементов нарратива. У большинства наших информантов имеется несколько излюбленных историй, которые, однажды рассказанные нам, повторяются и на следующий день, и через год, как бы проходя референном через все взятые у него интервью. В первый раз такой рассказ выслушивается обычно с большим интересом. Собиратель задает дополнительные вопросы, информант с удовольствием на них отвечает, и тема занимает большое место в интервью. Потом самовольное воспроизведение информантом одного и того же рассказа воспринимается собирателем как неизбежное зло. При сопоставлении же таких текстов мы можем выделить те устойчивые элементы нарратива, которые не были бы замечены, если бы информант не воспроизвел рассказ снова спустя какое-то время.

Такие повторяющиеся рассказы были записаны экспедицией Европейского университета в Санкт-Петербурге в 1998 и 1999 годах.

I

№	I-1998 ¹	I-1999
1	/Разговор шел о местных колдунах (упоминались конкретные имена) и о мифологических персонажах, которые, по мнению информантки, им помогают, — худеньких./	/Разговор шел о том, как раньше провожали на войну./
2	Соб.: А старые люди рассказывали когда-нибудь про какие-нибудь чудеса или про силу какую-то?	Соб. Ясно. А вот можно было угадать, убьют или нет? Можно было заранее вот как-то погадать там, или не знаю... Делали такое вот, кого забирали на войну?
3	Инф.: А вот я расскажу про себя.	Инф. Делали.
4	Слушать-то когда же это ходили-то?	Мы слушать ходили. Слушать. От какие-то Святки. Это что за Святки? Вот после Рождества или как-то — от эти Святки.
5а	Така у нас на краю жила — избеночка маленька така, — Катя была.	
6а	Мы, надо взять, четверо пошли мы. А пятой — сковородник взяли. А вот на жальник пошли, а там хресты: вот в Лезгино дорога, в Сетово и потом в Деревягино. Вот на эти хресты пришли мы.	Вот у нас там роща вот такая. Вот туда, а там три дороги: Лезгино дорога, потом это, Мошенской район дорога и в Устрику. Ну посередке дорога и по бокам — три дороги. Вот на этих трех дорогах и ходили слушать.

		Мы сошли, но вот надо, чтоб четыре... ой, чтоб пять человек было. А нас не было пять, дак взяли сковородник и пошли слушать.
76		И всем прислышалось, и всем сбылоси.
56		Ну вот. А така у нас Катя, дак Катя Ильюшиха была, там, на том конце. Эта боевая такая женщина.
8	Она взяла два круга развела вот такие большие. В один круг встали эти, которы будут слушать, а в один круг — один выходит: если я выхожу, я выхожу из этого круга в тот. Вот и слухали.	Начертила каких-то кругов. «Вот вы станьте на этот круг, а кто пойдет слушать, тот пойдет в другой круг».
9		Соб. Она тоже гадала? Она тоже слушала или вас очерчивала?
10		Инф. Слушала, слухала, по очереди.
11	Вот тут такой у нас парень жил. Встал, а ему и слышится — поезд идет. Поезд как идет — слышно, как по рельсам. Вот так: стук, стук, стук. А Катя эта: «Вася, Вася, — Вася его звали — зааминивай!» Это зааминивать: «Чур, чур, аминь, чур, аминь, чур, аминь...» — из этого круга выходи. И значит, ему прислышалось. Вот. Ладно.	Ну, у нас такой этот, Коля такой Миконин да Миконин, такой он парень, как тебе... От он стал слушать. Вот ему... стал слушать, ... Ой, что же это ему прислышалось-то? Говорят и... Это Вася Сенькин стал. От ему и прислышалось, что поезд идет. Как он, это он. Вот и мы слышим: вот идет и идет. Вот так: стук, стук - это как поезд-то идет, дак слышно это, как они там. А эта Катя говорит: «Колька... этот, Вася! Зачуркивай, это тебе прислышалось!» Ладно.
11а	Потом этого, кто же еще встал? Коля... парень. Вот. Это... Я сказала — собака бежала? Нет? Поезд, и он на поезде уехал, а этот Коля вот стал слушать: как собака от Лезгина — бежит, бежит, бежит... Мы ее видим, что черненькая. А вот эта атя - она нас свела, — вот эта бы все наверно знала, дак она умерши. Уж совсем видно, а она ему: «Колька, выходи из круга! Становись	

	в этот, это тебе прислышалось! » Ну ладно. Эта собака как вернула обратно и тише, тише. А то бежит да лает совсем к нам.	
12a	А если, говорят вот так: что если мы бы пропустили, мимо нас собака эта, дак до двенадцати часов надо ждать, когда она обратно пойдет. Только до двенадцати часов слухали.	
13	Соб. А если не ждать?	
14a	Инф. Дак говорят, прид... я не знаю, это я так слышала, что придут да кнутам застагают. Правда али — не знаю. Вот такое дело.	
15a	Ну вот, потом я стала. А что я? Девчонкой была — что я стала? Что: «Как я нонче гулять буду?» И слышится. У нас был гармонист. Вот здесь, в этом пепелище. Тоже на войне убитый. Хорошо в гармонь играл. Ох, как гармонь, совсем к этому жальнику подвинулась. Она: «Манька! Зааминивай! Это тебе прислышалось». Ну и ладно. Потом я расскажу, кому что прислышалось. Ну вот.	
16a	И я тот год с гармонистом и гуляла. Вишь, гармонь мне прислышалась. А этот оля, вот послушал собака — он по-собачьи жил. Он нигде не работал, нигде вот такой... А это Вася, что первой, поезд-то, он на поезде уехал — раньше Слюшино (Новгород был, а раньше назывались Слюшино), туды, на какие-то черные машины ездили работать. Ну вот, вот ему, и ён на поезде и поехал. А потом вот что четвертому что прислышалось, четыре было...	
7a	Соб. Все сбилось? Инф. Да, сбилось.	
17	Ой, еще кто же четвертый? Ух, Катя. Вот эта Катя-то. А она... Раньше у нас была мода, вот с семянам ходили: вот наростят семян, вот капуста, морковь, вот все на огороде, и поедут... ну знали свою ухожу. Не так, что ты пришел да от тебя и брать будут, она уж привыкши к кому, от того того и ждут. Ну и вот. А этот Ильюша вот пошел с семянам да вот ее и нашел. А раньше каки-то... что за	Стала эта Катя слухать. Она такая была, ну, гулящая женщина. Она от мужика-то гуляла. Он её ходил, всегда говорил: «Там я её нашел, она — говорит — из окопов не выходила». Раньше в окопах как-то прятались, я не знаю. Так вот в окопах чё-то ходили.

	урки были — я не знаю, вот слыживала я, а что за урки... что какие-то окопы там были. И она все по окопам эта Катя вот и волочилась.	
18	Вот она и стала. Ну и вот она стала это после слушать. Как разговор. Говорят, говорят, но не понять, что говорят.	Ну вот. От, как от Деревягина как говоря-ат, как слышно — от с той стороны. Ну, только не понять, что говорят. А говорят: «Зачуркивай, это тебе прислышалось!»
19	«Ну, Катя, про тебя чего-нибудь поговорят».	Ну уж про её и поговóрили.
20	А она нарожала робят, а у ей мужика-то взяли на войну да убили, а она уехала в Хвойну да там волочилась с военным да со всяким. Робят-то и бросила. Робенок еще один в зыбке лежал. А мы пойдем было лён мять. Зайдем, а уж как в избы-то! Ни кровати, лечь негде, все грязно все. Она было помочит платье в корыте, оно заплесневеет, она — за крылечко. Так вот ворох и лежал. Вот. А мы придем, да кто молочка несет, а она: «Принеси хоть сколь этому ребенку — он выпьет». А лежит. Пеленочки подлаживать... И он опрел и умер, этот робенок. Так ее потом разыскали. Привели, дак я не знаю, посадили, там поймали в Хвойном. Так вот не знаю, как она там, так и потеряласи. А девчонка тут, сын был — они в детдом взяли. Четверо было. Троих-то в детдом, а маленькой этот упрел. Да она вот какая была.	Она роди... Ребушечка маленькая была, така Оля была, Вася был. Потом маленький ребёночек. Дак ить она от этого маленького ребенка скрыласи в Хвойну гулять с военными. А ребенка бросила. А мы пойдем... уж мы тогда были - лён мяли, дак раньше ить. Вы-то не знаете, что за лён мяли. Вот. Зайдем. Дак котора кружку молока несет, а ребенок еще в зыбке — пеленíчной. Дак и он сразу по кружке вот так выпивал молока. Только так: ок-ок-ок. А ведь отпойм-напойм, дак кто куды подлаживает? Ни пеленочки, ничего тогда. И тряпок-то не было никаких. Так этот ребенок и умер. Умер, от умер — опрел /нрзб./. От, его закопали. Так эта Катя была посажена. Там её — на Хвойной болталася. В Хвойной-то так.
156		Вот и слушать ходили, а вот... и всем прислышалось. Вот. А я стала — мне прислышалась гармонь, а у нас в деревне гармонист хорошей был. И слышится гармонь. Вот там, вот по жа... идет за жальник-то. А это, Катя-то гит: «Манька! Зачуркивай, это тебе прислышалось». Я... А тут говорят: «Да там Ефим в деревне играет» — Да в каком

		деревне? Ён уж прямо с жальника. Играет.
6а	Соб. А вот вы сказали, что пошли четвером, а пятый — сковородник. Что, надо впятером на самом деле? Инф. Да, ишь, говорят: «Пятой — сковородник». Это и надо. Соб. А сковородник-то для чего? Инф. показывает сковородник. Соб. А вот когда вы очерчивались сковородником, вы говорили слова какие-нибудь? Инф. А я почем знаю, не я чертила. Вот Катя-то вот эта. Она и круги делала. Большие-большие.	
12 13	Дак, говорят, если пропустишь кого, до двенадцати...	Если пропустим, дак двенадцати часов надо ждать, пока обратно не вернутся.
14	А коли побежит обратно, дак застегают кнутам. Так не пропустили никого.	Вот круги-то и делали. Что и будто... Так у меня не бывало, это говорят, что если поедут обратно (круг широкой такой сделают), так кнутам застегают.
21	Соб. А кто это застегает? Кто это такие?	
22	Инф. Кто его знает. Худая сила аль что, не знаю. Бог его знает, Бог есть и черт есть, говорят. Дак вот! Это значит черт. (смеется).	Да кто застегает — не знаю. Вот.
16б		Дак я тот год и гуляла с гармонистом. Вот видишь, мне прислышалось. Вот так. Вася Сенькин — дак тот потом на какие-то черной машине где-то как уехал там работать. На рельсах уехал в поезде.
19б		Катя — про Катю эту говорили-говорили, говорить бросили. Ребенок околел в зыбке дак.
4а	/Через некоторое время после разговора о жальнике./ Соб. Вот вы ходили гадать к жальнику, а все остальные тоже ходили гадать к жальнику? Инф. Не знаю, ходили. Это вот Катя нас свела — я помню вот эта. «Пойдемте, хотите услышать, кому какая нынче жисть будет?» Прислышится, слухали. В Святки в какие-то, а что за Святки? После Рождества. Наверно. Еще какие-то недели надо знать.	

Сначала обратим внимание на те моменты в интервью, изменение которых спровоцировано предыдущим вопросом.

1. В первом интервью собиратели спрашивали информантку о праздниках, которые она помнила. Сообщение о Святках в первом интервью (4а) возникло в контексте этого разговора. Во втором интервью информантка вводит эту реплику в самом начале рассказа (4), поскольку полагает, что она значима для слушателей.

2. В первом случае поверье о том, что если не «зачуркиваться», то «придут и кнутами застегают» (14а), является ответом на вопрос собирателя (13). Во втором интервью информантка сама вводит его в рассказ (14).

3. Вопрос «А кто это застегает? Кто это такие?» (21) был задан собирателем только в первом интервью, однако и во втором информантка отвечает на него — уже по собственной инициативе: «Да кто застегает — не знаю» (22).

4. В первом же интервью информантку больше интересует авторитетность сообщаемого поверья: «Дак говорят, прид... я не знаю, это я так слышала, что придут да кнутам застегают. Правда али — не знаю. Вот такое дело» (14а). Формула «Правда али нет — не знаю» является для информантки традиционной (принятой), реплика же во втором интервью, касающаяся опознания мифологического персонажа, его именования, — способ описания или освещения событий, который был навязан ей собирателем. Без сопоставления двух интервью и та и другая реплика информантки кажутся одинаково уместными в рассказе.

5. Второй рассказ заметно короче первого. Это отчасти связано с тем, что он был известен собирателям, так что они не задавали уточняющих вопросов, а спокойно ждали окончания уже знакомого повествования. Он и для информантки был привычен — ведь она его уже однажды им рассказывала. Так, истории Коли и Васи, подробно описанные в первом рассказе (11, 11а), во втором (11) слились в одну — информантка, с одной стороны, не пропустила упоминания о них, а с другой — лишь наметила эти два момента описываемого события. Соблюдая схему рассказа, она ее не стала разворачивать. Вообще многие места во втором рассказе по сравнению с первым представлены в свернутом или даже в скомканном изложении.

Одна и та же история рассказывается в ответ на разные вопросы собирателей. В первом случае этот рассказ возникает, потому что в вопросе речь идет о знающих людях и о чудесах (в рассказе это Катя и гадание на Святки), во втором информантка реагирует только на слово «погадать», тогда как на самом деле вопрос касается совершенно другой темы. Причина предпочтения, судя по всему, кроется не в том, что информантке было интересно поговорить о гаданиях, чудесах или о ритуальных специалистах, а в том, что этот рассказ включает в себя историю жизни Кати Ильюшихи. История жизни Кати не только иллюстрирует рассказ о гадании, подтверждает достоверность «что услышала — то и сбылось»,

но и сам по себе важен для рассказчицы — ведь его она не сократила в повторном интервью, как поступила с рассказом о судьбе Коли (11). Несмотря на то что во втором интервью не было разговора о знающих людях, рассказ именно о жизни Кати был воспроизведен в подробностях и был использован прежний логический переход от гадания на Святках к истории жизни Кати (17–20). Два рассказа следуют один за другим и композиционно одинаково связаны друг с другом — как в первом интервью, так и во втором, записанном через год. Эта связь не вытекает из случайного хода беседы или ассоциаций в интервью, а предшествует разговору. Без сравнения двух интервью этот момент не был бы очевиден. Между тем зачастую истории о том, что интересует собирателя (описание ритуалов, чудес, сюжеты мифологических рассказов), сообщаются информантами не потому, что именно эти сюжеты для них наиболее интересны, а потому, что вполне обычные (бытовые) истории передаются в сочетании с определенными мифологическими сюжетами или даже включены в канву мифологического рассказа. По-видимому, мифологическая структура всего повествования позволяет истории о жизни человека (в данном случае) приобрести достаточно жесткую структуру и, таким образом, стать элементом репертуара, то есть сохраниться в виде нарратива. Сам рассказ о гадании повторяется с точностью до риторических оборотов, устойчивых сочетаний и логических ходов (см., например: 6, 16а, 16б, 11, 11а).

II

Вторая пара вариантов одной истории записана от той же информантки.

II–1998

/Вопрос о заветах на жальнике./

Я убедившись, что Бог есть и черт есть. Вот так. Вот у меня палец. Видишь, и сустава нету. Ну и вот. Я ходила в... раньше клюкву брали, а все из моха — там и прутья, и все. Я и наколола, наверно. И заболел палец. Заболел. А у нас в Мытищине врач был. У нас не было. Вот за три километра, где церква, кладбище. Ну вот, я сошла в Мытищино, все ходила, она мне все делала, делала перевязку — ничего пользы нет. Она меня в Хвойно отправила. А у меня рука вот так распухла. Палец этот распух. Я плачу, что топерь я... Пошла в больницу. Там посадили меня на стол и говорят: «Мы удалим тебе палец вот так». <...> А я не знала раньше, что за слово «удалять». Это удалять — отнимут. А я говорю: «Как?» — «Да вот так». Ох, это я пойду гулять, а у меня палец вот так и будет. Это что такое? Не, не. Лучше умру и не дам отнимать. Пусть как хочут. Встала, убежала. И бинты оставила, и все. Они мне вслед и говорят: «Через несколько дней придешь — руку отнимем, у тебя заражение получится». Ну вот. Я иду через кладбище, а там с этой деревни там тропка была, с Мытищино. <...> Ну вот. А раньше была через кладбище тропка. А проходить-то...

<...> А я упала перед этим окном. До чего я доревела, до чего я доплакала: «Господи, пошли ты мне, Бог, человека залечить палец! **Я всю жизнь буду жить и буду думать, что Бог есть**». Ну ладно. Я это... прихожу домой — тетка пришла. А у меня тетка жила в Михеево — за семь километров. Она говорит: «Ох, Манюшка, не ходи-ка ты никуда, а пойдем к нам, у нас...» **Слыхивали, такой Биянкин — писатель был?** «У него, говорит, жена — кто с какой болью ни придет, она всем вылечивала». Ну вот, ладно. Она меня свела. А у ней прислуга была. Она: «Сашенька, нагревай самовар». Нагрела самовар, налила в стакан марганцовки. «Вот сунь, Манюшка, пальчик». А у меня-то палец-то входит еле в этот стакан. И вытащит. Нетерпимо: только сунь и вытащи. А уж как поостынет, так потом держи, пока не остынет. И вот она потом вот все жмет, все жмет. И вот потом я у нее, кажется, неделю жила там. Ходила я три раза в день. Она мне все ванну эту делала с марганцовки. Ну вот. «Манюшка, можешь домой сходить». Я сошла домой. «Как увидишь, что вот в раночку выйдет косточка, теперь эта косточка — переел **этот, как костоед али волос раньше...**» Я поехала, она взяла жим, так вытащила эту косточку. Вот рана: вот здесь была рана и здесь. Кость напополам была расточена. Ну вот, она вытащила, кровь и пошла. Она залила йодом, говорит: «Манюшка, ночуй». Эта не закрывается раночка. «В эту раночку опять и вторая долька выйдет». Поверите? Вытащила она мне эти две косточки, дак нет косточки, только вот так источено. Одна пленочка. Вот такой случай. Ну вот. **Дак вот как я не верю в это? Ясно, Бог есть. Так вишь, послал мне Бог человека.**

И-1999

/Вопрос о худеньких — чертенятах./

Я... а мне вот было это, дак я вот это топерь испытала, что правда Бог есть. А потом вот у меня этот палец болел. Видишь, у меня нету сустава? А отчего? Ягод-то брали, клюкву-то и все, а ведь в кустах и всяко. Я и нацарапала. У меня, наверно, заражение и получилось. Как тебе... **по-раннему костоед, а по-старому — волос.** Ну и ладно. Я ходила все в Мытищино. Там. У нас не было врача-то. Через три километра. Там деревнюшка така. Она все мне лечила, все лечила. Потом и говорит: «В Хвойну надо тебе на консультацию отправить — что там, когда чё». Прихожу в больницу, ну и вот. Показали мне, который кабинет, там хирург аль кто там. Я пришла. Принесли стул — я села. Вот. Они несут этот... блюдо принесли. Я сижу вот так. Там уж палец у меня вот так растопщен, вот такой. А я говорю: «Господи, да что они будут делать-то, наверно, резать будут палец-то». А я и говорю: «А что вы будете делать?» А оны говорят: «Да палец удалять». А я не знала, что это... да раньше отнимать говорили. Не удалять, а отнимать. Я говорю: «Я не знаю, что за слово удалять». — «Ну удалять». — «А как вы?» — «А вот, вот так». (Показывает поперек основания пальца.) А я тогда еще девчонкой была. Я и говорю: «Вот уж нет, ни за что-то я не дам вам это. Это я вот сожму руку-то, палец-то так и будет торчать. А меня скажут:

беспалая». Что в уме? (Смеется.) И убежала из больницы. Бинты оставила, все оставила там, убежала. Они говорят: «Через неделю придешь — руку отнимем». Ну ладно. Я иду со с Мытищина, а церква у нас, от и сейчас там. Она разломали.

/Видимирская?/

А? Да, Видимирь-то. А тогда тропка, а я иду мимо церкви тогда, на колешки бух, упала, дак ревела-ревела, ревела: «Господи, вылечи ты мне-ка палец! **Я всю жизнь знать буду, что Бог есть**». Ладно. Поплакала, покаталась. Прихожу домой, в Заделье. А у меня три тетки были — тетины сестры были. А мама умерши на тридцати семи годах, а мы оставши трое. И отец безногий — вот здымались-то как! А вот что... Ну и ладно. Прихожу. Тетка пришед с Михеева, Мошенского района. **Не слышали Михеева?**

/Нет./

Биянкина знаете?

/Да./

Ну вот. Он там на даче жил. И с жонкой. Жонку звали Верой. Я его-то знаю, что Биянкин, а жонку — помню, что Вера, ну, по отчеству я за-была. Ну вот. А эта тетка-то ко мне пришла да и говорит: «Пойдем-ка ты, Машенька, — раньше Машенькой, меня Мария звать — там у нас такой Биянкин и у его жена. Кто с какой болью ни придет, всем вылечивает». Ну и повела меня туда. Прихожу туды, она ставит стул, наливает в стакан марганцовки. «Вот, — там меня назвала, — вот ты купи палец-то». А кипяток. Там марганцовки — а знаете марганцовку? Вот. Ну вот, она все микробы убивает. Я вот так опушшу палец туда и вытащу. Она: «Не держи, а то сгорит это-то, а только торни да опять». Ну а потом остыло, так. «Поостынет, что можешь терпеть, дак терпи, пока не остынет эта вода». Я и сижу. И вот я там выжила неделю. Выжила неделю, у меня этот, как его, она этого мужика и зовет, как, Виталий. Виталием-то вроде звали. «Ой, посмотри-ка топерь. У Манюшки палец-то зарос, не пахнет». Да вот в марганцовке и вылечила. **Ну вот как же я скажу, что Бога нет? Вот Бог послал. Просила Богу, и Бог человека послал. И вылечил. А вот что б было, вот что? Вот видишь? И прожила с этим пальцем. Так что Бог есть. На моей жизти испытано, дак я так думаю. А ить уж там кто как хочет. Это Божья воля. От, доченька, как же тут.**

Как и в первом примере, информантка в ответ на разные вопросы рассказывает одну и ту же историю.

История про вылеченный палец может заинтересовать собирателя лишь тем, что она приводится в качестве иллюстрации мнения информантки, что *Бог есть*. Однако и тут многие элементы повторяются. И в первом, и во втором интервью рассказ обрामлен тезисом о существовании Бога. Вопрос о том, знают ли слушатели, кто такой Бианки, и в тот и в другой раз прозвучал как привычный риторический прием. Последовательность реплик (весь рассказ состоит из диалогов рассказ-

чицы с другими лицами) строго соблюдена. Повторяется двойное название болезни (*костоед, а по-старому — волос*). Очевидно, что данный рассказ (II—1998—1999) является частью активного репертуара информантки, так же как и предыдущий, рассмотренный нами (I—1998—1999). Оба рассказа были использованы информанткой в качестве ответа-иллюстрации на вопрос о *худеньких* (I—1998 и II—1999). И та и другая история представляются информантке обладающими одинаково большим информативным весом, кажутся одинаково интересными для нее и слушающих, стоящими в одном ассоциативном поле.

* * *

Остановимся подробнее на влиянии, которое может оказать первоначальное интервью на ход последующих.

Влияние самого факта общения собирателя с информантом и экспедиции — с деревней происходит на многих уровнях. В разряд курьезных примеров такого влияния попадает случай, когда наша экспедиция в Вологодской области невольно распространила моду на фумигаторы, которые на следующий год в массовом порядке были ввезены в поселок Зубово и работали даже в хлевах. А еще через год мы обнаружили у наших информантов и в местном магазине точно такие же кружки, какие возили с собой в прошлом году.

Влияние первоначального опроса на выстраивание последующей логики ответов информанта может оказаться огромным. Те детали, о которых собиратель выспрашивал в первом интервью, могут в следующем превратиться в устойчивый мотив или сюжет, воспроизводимый информантом самостоятельно. В приведенных рассказах о гаданиях во второй раз уже сама информантка задает себе вопрос и отвечает на него: «Да кто застегает — не знаю».

Вот еще несколько примеров.

III

III—1997

/Разговор идет о праздновании Троицы./

Инф.: *Это родительский праздник. Вот. Березочкам... Березки вот так вот торкают. Березкам опашешь. А потом... Вот Варлакий Хутоной пойдешь, уберишь эту могилку.*

Соб.: *А Варлакий когда был?*

Инф.: *Варлакий? Да летом. Я не знаю когда. У нас был ключок вот там, внизу. И таки купельки старинные, когда мама моя была еще молодая. Это — мужской, купелище, а это — женское. Там этим... служба, батюшко всё! Там брали всегда эту воду в Варлакий Хутоной.*

Соб.: *В Варлакий Хутоной там служба была?*

Инф.: *Да-а-а.*

Соб.: *А вот вы помните, как это было?*

Инф.: Да, у нас при немцах служба была. Это служили... в этом... там... Это туда вот к Мелковицам. Это будет туды кладбище, к нам сюды, к нашей деревне.

Там такой колодец. И там всегда была служба внизу, там крылечки были.

Соб.: А служба с иконами, там поп ходил или как там было?

Инф.: Иконы были. Конечно. Батюшка обязательно. <...> Ну на поле, на поле был этот колодец-то.

Дочь инф.: Копейки в колодец кидали.

Инф.: Да, да. У колодца внизу батюшка — поставлен стол — батюшка и служит. Колодец вот, так он престол сделает: «Берите водичку, пожалуйста». Приходи. Ко кресту приложишься, а он тебя этим... ну метелочкой-то своей. <...>

Инф.: Как положено в этот конец. При немцах мы ходили. Служба была. Теперь ничего нет.

Соб.: Говорили, что эта вода помогает от чего-то, от каких-то болезней?

Инф.: Бог их знает. Просто это так уже завещано. Господь знает, скоко это лет уже завещание. Так и было, пока была... эта церковь и всё. А теперь нет ничего.

Дочь инф.: Но она не портилась [т.е. вода] вот почему-то.

Инф.: Нет. Никогда. Да, да, да.

Дочь инф.: Из колодца из простого она, если поставить в бутылку, она же затухнет. А эта нет.

Инф.: Да. Никогда.

Информантка в разговоре все время делает упор на то, что раньше было лучше и даже при немцах было хорошо, то есть были разрешены богослужения, а теперь все плохо. Ее дочь старается сообщить некоторые сведения о деталях ритуала и о представлениях, связанных с этим ключком, о котором спрашивают собиратели, в том числе о чудесных свойствах воды из этого ключка. Дочь выступает в роли понимающей, чего надо собирателям. Мать ориентируется на ее мнение.

В 1999 году при опросе той же информантки другие собиратели затронули ту же тему.

III—1999

Соб.: ... У вас тут ключок был...

Инф.: Да, доченька, ключок был не у нас, а за Мелковицами. На Мелковском поле это был Варлаамий Хутоцкий, там раньше были, знаешь, ну это купальня мужская, а эта купальня женская. И там был ключок. Ну ключок там и сейчас есть. Там была служба, была кадочка, батюшка — ну он крестит вот... эти... как их... Господи, ну что ж это... уже я забыла — причащались-то... крестом. В кадочке в этой. И мы брали воду. Ну всё равно она, вы знаете, долго стояла, но она потом портилась. А вот в Крещение — Ивану Крестителю зимой — это в церкви, така бочка была, в церкви, — и может она стоять пять лет. Вот это Крещение, чтобы... ну, в общем, всё говорили: как причастие, а ить Господь знает, как вот... а это они... эт вы... и сейчас там есть в Мелковицах — вот как от нас идёшь, по правую руку — там горушка, там... там есть ключок.

Может, мелковские и ходят на все... ну службы нет теперь, а не знаю даже — они сделаны из... ну как нормальный колодец. Защищён, всё. А вот не знаю.

Как нетрудно увидеть, большая часть рассказа информантки касается той детали, о которой она не сочла нужным говорить в предыдущем интервью и которую ей тогда навязала ее дочь, «понимающая», по мнению информантки, «чего надо говорить». Авторитет дочери не повлиял на мнение информантки относительно качества воды из ключика, зато довольно пространное рассуждение, которое она самостоятельно включила в свой рассказ, касается именно этой темы. Таким образом, предыдущее интервью, оставшись в ее памяти, сориентировало последующий ход беседы и ход рассуждений самой информантки.

IV

IV–1997

Соб.: *А вот в Чистый четверг что делали?*

Инф.: *Ай, да ничего. Ходили... Это раньше, бывало, говорили: надо до солнца, чтобы птичка не было, в этой лунке воды покупаться (раньше кака-то короста была)... чтобы не было коросты, так вот в этой воды покупаться. До солнца! Ещё птичка не была у этого... у этой лунки воды.*

Соб.: *А у какой лунки?*

Инф.: *У нас пруд был вон там, и были такие помостка́ — где увидишь. Вот чтоб не было окунувши птичка. Значит, ты будешь чист, а окунулась — не ходит: может, коростой будешь.*

Соб.: *Это надо умыться, да, там?*

Инф.: *Ну, лицо помыть. А так схватит кто, может, домой ведро — дома помоемся.*

Соб.: *А в умывальник ничего не клали?*

Инф.: *Яйцо. <...> Чтобы было белое личико. Как яичко белое, так и личико было белое. Вот.*

IV–1999

Соб.: *А вот такой еще праздник там есть — Чистый четверг. Что это такое?*

Инф.: *Чистый четверг? Так это в Великом посту.*

Соб.: *А когда он?*

Инф.: *А от я и... ой, а... на... на четвертой неделе. Первая, вторая, третья, на четвертой неделе Чистый четверг это вот. Вот-вот-вот. Ну это токо один день же — всё.*

Соб.: *А что это за день такой, почему он так называется?*

Инф.: *А Бог его знает — мылись али что, я уже и не знаю. Да, вот этот... клали в рукомойник яичко, яичком мылись, яйцо. Как яичко беленько, так и чтобы личико было.*

На этом примере хорошо видно, как в ходе интервью под влиянием предыдущего разговора информантка изменяет отношение к своим познаниям. Она начинает рассматривать сообщаемые ею сведения как правильные или неправильные ответы на поставленные вопросы.

После того как прозвучал рассказ о купании в лунке (IV–1997), собиратели продолжили задавать «наводящие» (с точки зрения информантки) вопросы. На самом деле предыдущие сведения, которые она сообщила, были для собирателей не менее ценными, чем последующие. Однако, по мнению информантки, она уже ответила на вопрос о том, что делали в Чистый четверг, и продолжение этой темы было для нее свидетельством того, что ответ она дала неправильный или не тот, который был бы интересен ее собеседникам. На другую тему собиратели перешли, только когда услышали сообщение о том, что в Чистый четверг клали в умывальник яйцо. Тут наводящий вопрос собирателя как бы прекращает бабушкины мучения и она понимает, «чего им было надо». В следующий раз (IV–1999) информантка воспроизводит именно этот мотив. Она «забывает» об обычае купаться в лунке, о котором сообщение в первом интервью не стало окончательным ответом на вопрос собирателей, то есть не было удовлетворительным ответом на вопрос «что делали в Чистый четверг?».

Она демонстрирует большую неуверенность в своей осведомленности, и «успешный» в первом интервью рассказ становится удобным ответом на вопрос при второй беседе.

* * *

До какой степени последствия такого влияния адаптируются традицией?

В общении с собирателем «неопытный» информант, если уж он пошел на контакт, то есть согласился разговаривать, постоянно сталкивается с тем, что логика беседы ему непонятна, а каждый последующий вопрос собирателя для информанта оказывается неожиданным. Постепенно, однако, он приобретает необходимый опыт, то есть осваивает правила игры. Информант усваивает темы, вокруг которых обычно строится беседа с собирателем, привыкает пояснять, проговаривать и останавливаться в своем повествовании именно на тех моментах, которые, согласно полученному им опыту, собирателю наиболее интересны. В повторном интервью (как правило, через год-два) информант легко самостоятельно отвечает на вопросы, которые, по его мнению, задал бы ему собиратель.

Однако носитель традиции склонен скорее включать в свой репертуар отдельные рассказы, а не сам принцип диалога *собиратель–информант*. Если в предыдущей беседе речь шла о бане, то потом информант воспроизводит готовый текст про баню, но вот разговор на тему, еще ни разу не затронутую собирателем, проходит с прежним напряжением и непониманием. Таким образом, приобретает застывшую форму, превращается в устойчивый текст только то, что уже имело место в ситуации беседы собирателя и информанта.

Поскольку информант понимает, что кое-что он теперь умеет лучше объяснить, а с чем-то возникают коммуникативные затруднения, он

охотнее повторяет «удачный» текст, даже если вопрос собирателя был не совсем о том. Такой текст в процессе общения собирателя с информантом становится функционально шире. Более того, дополнительные вопросы собирателя к воспроизведенному сообщению, содержащему краткий конспект предыдущей беседы, информант может воспринять крайне отрицательно, так как этот текст уже закреплен в его представлении за данной темой и за данной коммуникативной ситуацией.

Иначе обстоит дело, когда информант осознает, какого рода тексты ему следует поставлять собирателю. Речь идет о текстах, бытующих в традиции. Ситуация общения информанта с собирателем непривычна для информанта, а значит, не предполагает и каких-то привычных установок. Но постепенно информант понимает, что «девкам про колдовство нужно», или «песен напеть», или «историй про покойников» и «про старую жизнь».

Тут возникают следующие возможные ситуации.

Одна из наших информанток, охотно отвечавшая на вопросы в 1998 году, без всякого энтузиазма восприняла наш повторный визит в 1999-м. Она по-прежнему отвечала на вопросы, но все время недоумевала, зачем нам все это надо. На самом деле она уже прекрасно понимала, что от нее требуется, но, по-видимому, не была склонна к сколько-нибудь продолжительным монологам. Это — случай отказа информанта вести беседу по предложенным правилам.

Другой случай. В 1997 году с информанткой работала мужская бригада собирателей, а в 1999-м — женская. Опрос велся примерно по одному и тому же списку вопросов, но во второй полевой сезон с этой информанткой работали не собиратели, но собирательницы, которые, по сравнению с предыдущими собеседниками, показались информантке «своими». Если в первый раз информантка прилежно отвечала на вопросы, то в 1999 году она уже практически не отвечала на вопросы, а рассказывала случаи из своей жизни, по-своему их интерпретируя и поучая по ходу дела собирательниц, предлагая им свою оценку событий. Это — пример того, как информант возвращается к своим предпочтениям ведения беседы.

Еще одна наша информантка, рассказавшая в 1998 году несколько историй на одну тему, в 1999-м с них же и начала, прибавив потом еще — на ту же тему, и вообще была склонна отвечать на вопросы иллюстрацией-нарративом. То есть вполне усвоила правило сообщать тексты.

Повторный опрос за время одной экспедиции также может содержать повторяющиеся рассказы.

Так, одна наша информантка в течение нескольких интервью воспроизводила рассказ о том, как ей предложили отдать в детский дом ее собственных двоих детей и *что* она на это сказала. Разумеется, бабушка помнила, что вроде бы она нам вчера что-то такое уже рассказывала, и поэтому повествование становилось все короче, однако каждый раз она воспроизводила целиком весь текст ответа своему обидчику — доволь-

но экспрессивный, переживая или вызывая каждый раз одну и ту же эмоцию. Этот текст явно устойчив в ее репертуаре. Кроме того, в сопоставлении с другими рассказами на ту же тему выделяется ее представление о том правильном типе поведения в ситуации, когда существование ее мира как ценностного единства ставится под угрозу. Вообще, истории, которые информанты любят повторять изо дня в день и из года в год и которых так не любят фольклористы (именно потому, что они повторяются), касаются представлений о верном порядке вещей, а точнее, тех моментов в жизни информантов, когда возникает выбор — между правильной и неправильной оценкой, правильным и неправильным поступком. Рассказ о выборе, оценке, установлении правила воспроизводится информантами с предельной точностью в ситуации, когда текст повторяется в присутствии одних и тех же слушателей. В ситуации, когда времени прошло достаточно, чтобы даже знакомые люди стали опять незнакомыми, история воспроизводится полностью при первом же удобном случае.

Зачастую собиратель склонен рассматривать все тексты, содержащие упоминание о мифологических персонажах, праздниках, лечении, как рассказы о мифологических персонажах, о праздниках и о магии. Однако, причина, по которой рассмотренные здесь рассказы вошли в постоянный репертуар информанта, кроется скорее в стремлении сообщить слушателю о своей оценке, об отношении к какому-то явлению (I—1998—1999) (III—1997—1999) или о ярком эмоциональном впечатлении, которое он некогда пережил (I—1998—1999). Собиратель же, ведя беседу, изменяет установки информанта.

Конечно же, характер информации в повторном опросе зависит не только от задаваемых вопросов, но и от контекста беседы. Восприятие информантом самого собирателя изменяется, влияет на содержание сообщаемых сведений и поведение информанта во время интервью. Кроме того, бóльшая откровенность информанта в беседе появляется после нескольких посещений. Но не принимаем ли мы за откровенность изменение тактики беседы со стороны самого информанта? Не становится ли информант просто «покладистее», обучившись у собирателя, что и как нужно говорить?

В заключение хочу подчеркнуть, что, на мой взгляд, усвоение или неусвоение «правил игры» все-таки зависит от того, имеется ли вообще такой опыт у носителя традиции. Если в традиции нет такого контекста, в котором человек мог бы рассказать, например, быличку «по поводу» или одну за другой несколько историй, то вряд ли будет легко «с рук» научить информанта такому способу общения с собирателем.

Примечания

¹ Здесь и далее принята нумерация рассказов (I, II, III...), парных вариантов рассказа (1998, 1999...) и парных отрывков в рассказах (1, 2, 3...).